

В первый год Чупин, с наступлением зимы.

Лю Юй во главе ста тысяч воинов выступил на уезд Цзи, намереваясь штурмом взять Гунсунь Цзяня.

Ему донесли разведчики: после битвы при Цзецяо армия Гунсунь Цзяня сильно уменьшилась, к тому же большая часть его отрядов была расквартирована на чужих землях.

Нынешний уезд Цзи располагал лишь жалкими крохами элитной конницы, и сейчас во всем городе и за его пределами царила величайшая нехватка живой силы.

Лю Юй явился преисполненный уверенности и воочию убедился, что защитники на крепостных стенах охвачены паникой, не готовы к бою и уже через пару мгновений не смогут сдержать его натиск.

Один за другим отряды ворвались на стены, рубя растерянных защитников, которые бросились врассыпную.

Среди оглушительного грохота битвы раздался мощный удар — осадное орудие напрямую вышибло городские ворота.

Внутри уезда Цзи мгновенно воцарился переполох.

Ворвавшиеся во главе войска военачальники словно ступили на ничейную землю, продвигаясь вперед без единой заминки.

В этот самый момент по обе стороны от ворот завязалась яростная схватка: из засады хлынули плотные ряды солдат, грубо рассекая врывающийся в город авангард надвое.

Тянь Кай, мчавшийся впереди всех, одним ударом разрубил врага пополам, и под грохот сошлись обе створки внутренних городских ворот.

Боевой дух солдат, выскочивших из засады, был на высоте: один стоял за десятерых, легко одолевая врагов.

Смотря на пехоту Лю Юя, которая отвыкла от долгих войн и, едва проломив ворота, не успела даже толком порадоваться, как получила сокрушительный удар в лоб: ошеломленные солдаты в мгновение ока лишились жизней.

Трупы, устилавшие подходы к воротам, сослужили добрую службу Тянь Каю.

Пришпорив коня и преградив путь с мечом наперевес, он выглядел истинным богатырем, способным в одиночку удержать заставу.

— Грох!

Ворота захлопнули заново. Глядя на горы трупов, нагроможденные у подножия прохода, Тянь Кай невольно мысленно восхитился чьим-то хитрым планом.

Этот кто-то велел впустить людей в город, а затем перебить.

Тянь Кай натянул поводья, разворачивая коня. Внутри города всё еще шла резня: войско Лю Юя было совершенно неспособно дать отклик. На длинных улицах и в коротких переулках кровь лилась рекой, и каждый страшился за свою жизнь.

Из сотен передовиков не уцелел ни один.

А сам Гунсунь Цзань тем временем во главе легкой конницы уже выехал через восточные ворота, заходя в тыл к Лю Юю.

Армии сошлись в бою.

Одна сторона была готова ко всему, другая — застигнута врасплох.

Лишь теперь Лю Юй прозрел: и мнимая нехватка войск, и расквартированные вдалеке отряды — всё это было подстроено тем человеком нарочно, лишь бы заставить его клюнуть на удочку.

Его собственное стотысячное войско казалось необъятным и мощным, словно катящийся вал, но к чему это привело? К тому, что противник давным-давно расставил ловушку.

Поймать рыбу, заманив её в садок.

Лю Юю не удалось взять город, да вдобавок с тыла ударил Гунсунь Цзань.

Войско сбилась у городских стен, оказавшись меж двух огней.

— Лю Боань! Ты первый начал штурм, так не пеняй же на мою жестокость!

Гунсунь Цзань в золотых доспехах восседал на коне, излучая грозное величие. На его лице играла зловещая, торжествующая улыбка, когда он смотрел на растерявшего доспехи и коней, совершенно поверженного Лю Юя.

Взгляд Лю Юя был полон страха. Когда он смотрел на Гунсунь Цзяня, гнев и ненависть сменяли друг друга, пока наконец не обратились горьким отчаянием.

— Господин, мы разобьемся в лепешку, но выведем вас к лагерю! Стоит только соединиться с генералом Сяньюем, и мы сможем...

— Бум!

Не успел заместитель договорить, как стрела пронзила ему межбровье, и брызнувший фонтанчик крови прямо оросил лицо Лю Юя.

Лю Юй оцепенел в этот миг.

Впрочем, его еще не успели отвезти обратно в лагерь, как издалека он увидел страшное: лагерь был объят пламенем!

Тысячи воинских шатров слились в единое море огня!

Сквозь зарево бушевала сеча, небо и земля смешались воедино. Под покровом ночи кавалерийский дувей Сяньюй Инь отчаянно рубился с каким-то воином.

Заметив краем глаза Лю Юя, Сяньюй Инь громко выкрикнул и, вложив все силы в удар, оттолкнул вражеское копьё.

— Господин, уходите!

— Плюх!

Стоило ему отвлечься, как серебряное копьё вонзилось ему прямо в плечо, мгновенно срезав огромный кусок кожи и мяса.

— Генерал Сяньюй!

— Уходите!

Окружающие схватили Лю Юя и бросились наутек, не зная, сколько еще смертоносных ловушек припас Гунсунь Цзянь.

— Чжао Цзилун! Ты совершил ночной напад на мой лагерь, какой же ты после этого герой! — Сяньюй Инь отразил удар.

Чжоу Юнь не ответил, лишь заставил сверкать в своей руке копьё Яцзяо с грозной силой свирепого тигра.

Снова удар копья.

Сяньюй Инь издал крик и рухнул на землю. Попытавшись подняться, он был насквозь пронзен копьем Чжао Юня и пригвожден к земле.

— Кха!

Из горла хлынула кровь, заливая Сяньюй Иню всё лицо.

Кровавая пелена застилала глаза, размывая очертания мира. Сквозь туман он различил перед собой пару сапог с узором из переплетенных облачных драконов.

Пришедший глухим голосом произнес:

— Юнь не смеет называть себя героем.

С этими словами он резким движением выдернул серебряное копьё, и тонкая струйка крови брызнула на пыльную землю.

Глаза Сяньюй Иня были широко раскрыты, но во взгляде уже застыла мертвенная серость.

Пожар охватил бесчисленные лагеря на сотни ли вокруг.

Лю Юй привел сотысячное войско, и его появление гремело на всю округу. Осада уезда Цзи сотысячной армией должна была стать блестящей, триумфальной победой, а обернулась полнейшим, сокрушительным разгромом.

Лю Юй потерпел поражение — потерпел крах по всем фронтам.

Когда он с остатками отряда бежал на север в уезд Цюйюн, Гунсунь Цзаню потребовалось всего три дня, чтобы взять город.

За три дня весь род Лю Юя угодил в темницы к Гунсунь Цзаню.

После пленения Лю Юя уголки глаз Гунсунь Цзаня в городской управе уезда Цзи не опускались от улыбки.

Ныне Дун Чжо был мертв, и Сянь-ди собирался даровать Лю Юю новые земли в удельное владение, приказав ему управлять шестью провинциями, а самого Гунсунь Цзяня повысить до звания генерала авангарда. Посланник Дуань Сюнь уже ехал в уезд Цзи.

— Господа, ханьский посланник уже у ворот, а этот Лю Боань стал узником. Как нам теперь поступить? — Гунсунь Цзянь вертел в руках большую печать Лю Юя, перекатывая её на ладони, а на его лице расплывалась холодная усмешка.

Фань Фан предложил:

— Господин, раз уж прибыл посланник Хань, не лучше ли свалить всю вину на Лю Боаня?

— О?

— Лю Боань позабыл о товарищеском долге и посмел во главе войска напасть на господина. Ныне же господин пленил его, но не предал смерти — лишь из милосердия к былым заслугам. Если выдать его...

— Я хочу его убить.

Не дожидаясь, пока Фань Фан договорит, Гунсунь Цзянь перебил его.

Я хочу его убить.

Скрытый смысл был прост: вам нужно лишь отыскать повод и прикончить его.

Прибыл Дуань Сюнь, исполняя волю Сянь-ди пожаловать Лю Юю новые милости.

Однако Гунсунь Цзянь заявил ему, будто Лю Юй вступил в сговор с Юань Шао с целью узурпировать трон и провозгласить себя императором.

Всё, что Лю Юй делал прежде — включая торжественную встречу Сянь-ди и прочее, — было лишь средством завоевать доверие императора, тогда как на деле он уже давно за спиной строил козни вместе с Юань Шао.

Как только представится удобный момент, он поднимет войска, чтобы захватить власть.

Дуань Сюнь был всего лишь заурядным посланником, и внезапное изобилие представленных улик в сочетании с праведным гневом Гунсунь Цзяня, скрупулёзно перечислявшего преступления Лю Юя, лишили его возражений.

В тот день моросил зимний дождь.

Дуань Сюнь лично наблюдал за казнью, обезглавив Лю Юя вместе с его женой и детьми прямо на торговой площади.

Лишь увидев кровавые головы, катившиеся по земле, Дуань Сюнь пришел в себя и рухнул без чувств прямо у помоста палача.

Поместье Чжао.

Сюй Лу под дождем стремглав прибежал обратно.

Едва переступив порог двора, он завопил во всю мочь:

— Лю Юя казнили! Правда!

Чэн И зажал ему рот ладонью и кивнул на комнату:

— Ты что, хочешь разбудить учителя?

Сюй Лу замахал руками, издавая мычание, наконец оторвал руку Чэн И и с опаской спросил:

— Учителю хоть полегчало?

Чэн И почесал затылок:

— Вроде получше. Братец Чжао как раз отнес ему отвар.

Стоило войти в комнату, как в нос ударил густой запах лекарства.

Чжао Юнь приоткрыл створку окна, и в помещение тотчас ворвался свежий прохладный воздух, унося с собой часть неразвевшейся горечи.

Го Цзя сидел за столом, медленно, ложка за ложкой, попивая лекарство.

— Лю Юй мертв. — Чжао Юнь придвинул стул и сел рядом.

Го Цзя продолжал пить отвар.

— Господин говорит, он сговорился с Юань Шао.

Го Цзя опустил фарфоровую ложку, поднял на него взгляд и произнес по слогам:

— Не Гунсунь Цзань. Я.

Взгляд Чжао Юня полыхнул сурово, словно огонь, обжигая отражение того человека на дне его глаз.

Го Цзя тяжело вздохнул и в конце концов отвел глаза:

— Тяжесть этого греха убийства... раз уж взял на себя, то взял. В конце концов, Цзя и сам не знает, сколько ему еще отпущено... Но раз уж Цзилун служит под его началом, как он может прозябать в бездействии...

— Бах!

Чжао Юнь со злости ударил по столу и поднялся на ноги.

— Уйти от него!

Го Цзя изумленно вскинул голову.

Чжао Юнь тихо спросил:

— Фэнсяо, если бы не я, где бы ты сейчас был?

Где бы он был?!

Если бы не ты... Зачем бы я тогда проживал новую жизнь?

На губах мелькнула горькая улыбка. Он произнес:

— Если бы не Цзилун, Цзя, пожалуй, уже давно перешел бы реку Нахэ и миновал Водную Скверну.

— Бах!

Что-то взорвалось в голове у Чжао Юня, словно какая-то частица, затерянная на самом дне

души, вновь начала понемногу проступать наружу.

Чжао Юнь растерянно смотрел на этого человека, перетряхивая все свои воспоминания до единого, но так и не находил точек соприкосновения.

И всё же чувство столь глубокой близости было неоспоримо — настолько сильное, казалось, оно перекинулось сюда из прошлой жизни.

Чжао Юнь затворил за собой дверь и, обернувшись, увидел Чэн И и Сюй Лу, которые с надеждой смотрели на него.

Сюй Лу приоткрыл рот, но слова, готовые сорваться с языка, так и застряли в горле.

Чжао Юнь молвил:

— Он не спит. Хочешь зайти — иди.

Сюй Лу угукнул и пулей вметнулся в комнату.

Извилистые галереи увивали капли дождя, стучавшие под карнизом в ритме непрерывной водяной завесы.

Чэн И шел следом за Чжао Юнем и, не выдержав, спросил:

— Братец Чжао, у тебя на душе тяжело?

— Господин захватил уезд Цюйюн, а я пошел советовать ему милосердие к простому народу. Лю Боань уже повержен, но люди в городе ни в чем не виноваты.

Дождь во дворе омывал опавшую листву снова и снова, но казалось, что от этого никак не смыть ту увядание, что сочилось изнутри.

Чэн И озадаченно спросил:

— И что сказал господин?

Чжао Юнь покачал головой:

— Ничего не сказал.

Чэн И не понял:

— Братец Чжао, так он согласился или нет?

— Раз он ничего не сказал, значит, дело не в согласии или несогласии — он просто не пожелал отвечать.

Чэн И умолк.

Чжао Юнь заговорил:

— Чэн И, ты последовал за мной еще из Чаншаня, а оттуда добрался до Чжэньдин и сюда. Если я сейчас уйду...

— Раз братец Чжао уходит, Чэн И, разумеется, уйдет вместе с ним, — опустившись на одно колено, ответил Чэн И.

Чжао Юнь бросил на него взгляд, стремительно шагнул под дождь. Его прищуренные фениксовы глаза в этот миг излучали особенную, чистую ясность.

Чэн И замер, глядя ему вслед. Среди раскачивающейся бури и дождя ему вдруг показалось, что эта одинокая фигура, некогда возвышавшаяся незыблемо даже среди всеобщего разврата и грязи мира,

Будто бы впитала в себя какую-то иную, новую животворную душу.

В этот миг в ней неуловимо промелькнуло нечто совершенно иное.

В тот год Сянь-ди сменил девиз правления на Синпин.

Гунсунь Цзань казнил Лю Юя, и вся провинция Ючжоу оказалась под его властью, а спесь его стала еще безудержней. В подвластных ему землях множился народный гроб, сам же он помнил лишь обиды да забывал добро, отличаясь злопамятностью ко всякой мелочи.

В это время приближенные Лю Юя — Сяньюй Фу, Ци Чжоу и другие — ради мести за своего господина не постеснялись просить помощи у сяньби и Ухуаня. Собрав десятки тысяч воинов, они двинулись на уезд Юйян.

Сойдясь с тайсуем Юйяна Цзоу Дань в битве к северу от реки Лухэ,

Они обезглавили Цзоу Даня.

Одержав сокрушительную победу в одном сражении, Сяньюй Фу встретил вернувшегося Лю Хэ и, объединившись с Юань Шао, начал поход против Гунсунь Цзяня.

Лагерные светильники в шатрах не гасли всю ночь.

Часовые снаружи сновали туда-сюда, страшась пропустить вражескую ночную вылазку.

С тех пор как они бежали после разгрома в уезде Цзи, Гунсунь Цзянь терпел поражение за поражением, потеряв вдобавок более двадцати тысяч человек при Баоцю.

В одном из вспомогательных шатров Сюй Лу, покачиваясь, вбежал внутрь, бережно удерживая в руках чашку с рисовым отваром.

— Учитель... Учитель...

На столе была раскинута карта, на которой красной линией прочертился путь отступления армии.

Округ Дай, Гуанъян, Шангу... ныне все они сменили хозяев и знамена.

Сюй Лу чувствовал себя донельзя удрученным и почесал затылок:

— Учитель, сегодня осталось лишь столько. Ещё меньше, чем вчера.

Го Цзя не успел завершить штрих кистью; услышав голос Сюй Лу, он легко качнул запястьем, и капля туши сорвалась вниз.

Как назло, она упала аккурат на два иероглифа.

Ицзин.

<http://bllate.org/book/19191/1884812>